

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПЕРСИДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ВРЕМЁН ШАХА САФИ I¹

Костиков Сергей Евгеньевич

*Н.с., Санкт-Петербургский
государственный университет
skostikov1@gmail.com*

RUSSIAN LOANWORDS IN THE PERSIAN DIPLOMATIC DOCUMENTS FROM THE REIGN OF SHAH SAFI I²

S. Kostikov

Summary: This article is an overview of Russian loanwords in the Persian documents from the «Persian Diplomatic Documents from the Reign of Shah Safi I from the collection of the Russian State Archive of Ancient Acts» collection. This collection includes 57 Persian documents from the reign of Shah Safi I (1629–1642) from the Fond 77 «Russia's Relations with Persia» of the Russian State Archive of Ancient Acts, most of which contain Russian loanwords. While Persian loanwords in the Russian language have been researched well, not many studies deal with the Russian loanwords in the Persian language. The documents from the collection presents a new perspective at this topic and permit to make a conclusion that the process of lexical borrowing between two languages was mutual.

Keywords: Russian language, Persian language, lexical borrowings, Safi I, Mikhail Fyodorovich, Russo-Iranian diplomatic relations, Russia, Iran.

Аннотация: Статья представляет собой обзор русских заимствований в персидских документах из сборника «Персидские дипломатические документы времён шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов». Этот сборник включает в себя 57 персоязычных документов периода правления Сафи I (1629–1642) на персидском языке из фонда № 77 «Сношения России с Персией» РГАДА, почти все из которых содержат заимствования из русского языка. Персидские заимствования в русском языке хорошо изучены, в то время как русским заимствованиям в персидском посвящено довольно мало исследований. Документы сборника позволяют посмотреть на вопрос русизмов в персидском с новой стороны и сделать вывод о том, что процесс лексического заимствования между двумя языками в XVI – XVII вв. был двусторонним.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, лексические заимствования, Сефи I, Михаил Фёдорович, русско-иранские дипломатические отношения, Россия, Иран.

Дипломатические отношения между Русским царством и империей Сефевидов были установлены в 1552–1553 гг., когда в Москву приехал посол от шаха Тахмаспа I (1524–1576) Саййид Хусайн. Об этом событии мы знаем от Карамзина, ссылающегося на ныне не существующий архивный документ [11, с. 82]. При этом особый толчок к развитию эти отношения получили уже после 1556 г., когда Россия завоевала Астраханское ханство, получив тем самым выход к Каспийскому морю и прямой доступ к торговле с Сефевидами, Великими Моголами, Бухарским и Хивинским ханами.

Следующим значительным посольством стал приезд в 1586 г. Хади-бека (Хади Маджида), отправленного в Москву шахом Мухаммадом Худабанде (1578–1587). Именно начиная с этого посольства, дипломатические отношения между Русским царством и Сефевидским Ираном становятся регулярными [7, с. 52, 73]: в период с 80-х гг. XVI в. по конец XVII в. в Москву приезжали 29 иранских

посольств [5, с. 6]. Во время правления шаха Аббаса I (1588–1629) целью большинства этих посольств было заключение военно-политического союза в борьбе с Османской империей, угрожавшей обоим государствам. При этом в 20-х гг. XVII в. тематический баланс сместился в сторону торговых вопросов – Серавский мир (1618), захват Ормуза (1622) и занятие Багдада (1622) помогли Сефевидам обезопасить Иран от угрозы турок-османов, в результате чего поддержка европейских правителей уже не так была необходима шаху. Политику в переговорах заменила экономика и торговля [15, с. 8].

Преемник шаха Аббаса I Сафи I (1629–1642) правил значительно меньший срок, но стремился продолжать политику деда, поддерживая связи с европейскими державами, Османской империей и империей Великих Моголов. За тринадцать лет его правления в Москве побывало два «болших» посольства Хаджи-бека (1634–1635) и Хасан-бека с Сарухан-беком (1640–1641), а также про-

1 Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ No 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

2 The study was supported by the research grant No. 18-78-10052 «The Documentary History of the Russian Strand of Safavid Diplomacy (1501–1722)» of the Russian Science Foundation.

ездом, посол в Голштинию Имам-Кули-бек. При этом с 20-х гг. XVII в. к Михаилу Фёдоровичу (1613–1645) приезжали не столько послы, сколько торговые представители шаха (*киракйараки, купчины*), стремившиеся беспошлинно продать шахские и закупить российские товары. Сафи I в этом направлении также продолжил политику своего предшественника [15, с. 5–6, 8]. Необходимо отметить, впрочем, что «торгпреды» далеко не всегда ограничивались торговыми делами, а послы – дипломатическими. В те времена дипломатия и торговля зачастую сплетались воедино.

Политическое и торговое взаимодействие между Московским царством и империей Сефевидов обусловили культурный обмен между народами, выразившийся, в том числе, и во взаимообогащении русского и персидского языков новыми лексемами. В рамках данного периода это утверждение особенно справедливо в отношении русского языка. Иранские заимствования начали проникать в него ещё во время существования общеславянского языка, и этот процесс продолжался и в период Средневековья [10, с. 33–44; 18; 20, с. 142]. Персидские заимствования, вошедшие в русский язык в XVI–XVII вв., составляют довольно крупный пласт лексики. Первой этот пласт в деловом языке Московского царства стала изучать Е.К. Бахмутова [6]. В своей работе она тематически разделила персизмы в деловом русском языке того времени на две группы: торговые термины (названия товаров и другие связанные с торговлей слова) и термины, связанные с бытом Ирана, его административным устройством, ономастикой и топонимикой [6, с. 47–66]. Некоторые из этих заимствований существуют в русском языке и поныне (караван, сарай, амбар), другие устарели и стали анахронизмами вместе с теми явлениями, которым они соответствовали.

Слова иранского происхождения в русском языке изучаются и сегодня. Х.-Д. Поль в своей статье привёл список иранизмов, сопроводив их сносками на словари этимологии [25]. А. Эристон составил перечень из слов неясного происхождения и предпринял попытку прояснить его заимствованиями из иранских языков [22]. Г.Х. Гилязетдинова написала диссертацию об ориентализмах в русском языке Московского царства, уделив внимание и персизмам [8]. В сотрудничестве с Р. Акбари Гилязетдинова также опубликовала статью о семантической адаптации русских заимствований в персидском языке XIX–XX вв. [9], а Акбари, в свою очередь, написала работу о фонетической трансформации русизмов в персидском языке [4]. Иранские учёные также приложили руку к теме: С.-М. Мортазави и М.Р. Мохаммади посвятили свою статью лексико-тематической классификации персидских заимствований в русском языке [13], а диссертация Н. Абдалтаджедини посвящена персидским заимствованиям в мемуарах, дневниках и письмах А.С. Грибоедова и А.П. Ермолова. В рамках диссертации она

также опубликовала несколько статей по этой теме [2; 3].

Из этого следует, что тема персидских заимствований в русском языке не обделена вниманием исследователей. В то же время проблема русских заимствований в персидском пользуется меньшей популярностью. Обычно выделяется два этапа их проникновения: в XVI в. после установления прочных экономических и дипломатических связей с империей Сефевидов, и в XIX–XX вв., когда в Персии усилилось политическое и экономическое влияние России. Второй этап, по словам Л.С. Пейсикова, ознаменовался большим количеством заимствований, в основном технического и военного характера. К первому этапу Пейсиков также относит целый ряд слов, но далеко не все из них можно приписать этому времени: например, слово *самавар*, вероятнее всего, проникло в персидский язык уже в XIX в., так как сведения о производстве этого сосуда для нагрева воды в России впервые появляются только в XVIII в. [14, 55, 56]. Иранский исследователь А. Садики, в свою очередь, приводит в своей статье большой список заимствований из русского языка, распределив их по временному и тематическому критериям. По его мнению, самыми ранними заимствованиями являются *кинас* – князь, *капитан* – капитан и *сум* – рубль. Первое их употребление он находит в произведении Искандар-бека Мунши «Аббасова мироукрашающая история», написанном во время правления шаха Аббаса I [26, с. 12–13]. В.И. Абаев указывает на ещё одно заимствование той эпохи, слово *гурванка* – фунт, от русского «гривенка» [1].

Как видим, обращает на себя внимание значительная разница в числе заимствований XVI–XVII вв. в русском и персидском языках: в русский язык в это время вошло довольно много персидских слов, в то время как в персидский – наоборот. Причина такого разрыва, по мнению автора, заключается в разных подходах к созданию толковых и этимологических словарей. Авторы лексикографических работ по персидскому языку опирались прежде всего на иранские словари, которые, в свою очередь, создавались на основе историографии, художественной литературы, исследований по современной диалектологии и лексикографических трудов предшественников. Документальные источники Сефевидов по дипломатическим отношениям с Россией сохранились довольно плохо, документы об обыденных торговых вопросах – ещё хуже; публиковались при этом в первую очередь официальные фирманы, написанные соответствующим стилем. В то же время в России было издано много документов по дипломатическим и торговым отношениям с Сефевидами, что позволило лексикографам включить в словари многие содержащиеся в них устаревшие слова. Таким образом, можно сделать вывод о том, что персоязычные источники, введённые в оборот, характеризуются неполнотой и односторонностью [12].

Изменить эту ситуацию были призваны работы участников проекта «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)». Этот проект направлен на исследование, перевод и научную публикацию хранящихся в РГАДА документов на персидском языке, датируемых периодом правления Сефевидов и адресованных российским царям и представителям администрации. Своего рода кульминацией первого этапа этого проекта стала публикация сборника «Персидские дипломатические документы времён шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов» [15]. В сборник вошло 105 текстов, из которых 59 были составлены на персидском языке, 2 – на тюркском и 46 – на русском. 101 документ сборника принадлежит к 12 единицам описи № 1 фонда 77 «Сношения России с Персией» РГАДА, так называемым «столбцам» (форма делопроизводства московской приказной системы XVII в.), ещё 4 документа – к описи № 2 «Грамоты» того же фонда. В 47 документах из 59 встречаются заимствования из русского языка [15, с. 19–27]. В основу настоящей статьи положены персоязычные тексты сборника, относящиеся к миссиям послов и купчин, отправленных от имени шаха Сафи I. Эти документы можно разделить на четыре группы:

1. Реестры. Реестры, или росписи, представляли собой списки членов миссий, шахских товаров (для отделения их от частных товаров, с которых взимались пошлины) или даров царю и его сыновьям, которые подавались воеводам городов и отсылались в Посольский приказ либо подавались царским чиновникам непосредственно в Москве для включения в протокол аудиенции.
2. Указы шаха Сафи I. Указы шаха, фирманы, были адресованы местным российским властям, воеводам городов, через которые проходили иранские миссии. Целью указов было получение помощи в форме транспорта, продовольствия и сопровождения по дороге в Москву.
3. Письма. Письма, «любительные грамоты», представляли собой корреспонденцию наивысшего уровня, адресованную шахом непосредственно царю.
4. Челобитные. В челобитных отражались типичные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться подданным шаха в России: начиная с запроса на предоставление кораблей и заканчивая жалобой на избиение в бане.

Целью настоящей статьи является исследование русских лексических заимствований в опубликованных в сборнике персоязычных документов персидских купцов и послов, приезжавших в Московское государство во время правления сефевидского шаха Сафи I.

Русские лексические заимствования:

1. *Кинас, киназ* – князь. Это слово присутствует в шахских указах, челобитных и росписях и, как правило, обозначает не только князей, но и любых высокопоставленных лиц [15, с. 47, 69, 71, 74, 76, 78, 87, 89, 91, 107, 129, 132, 135, 162, 162, 174, 188, 190, 200, 208, 210, 216, 218, 225, 227, 229, 232, 234, 240, 242, 260]. В большинстве случаев под этим термином имеются в виду воеводы городов, через которые проезжал посол – Казани, Астрахани, Терков. Но в нескольких челобитных это слово используется как часть обращения к царю: кинас или валика кинас, «великий князь». Как мы уже упоминали выше, слово кинас – одно из первых русских слов, проникших в персидский язык ещё в XVI–XVII вв. В «Аббасовой мироукрашающей истории» Искандар-бека Мунши говорится о после «из амиров и князей, пользующихся доверием той династии», приехавшем ко двору шаха в 1617–1618 году [26, с. 12–13]. В более поздней «Надировой миропокоряющей истории» Мирзы Мухаммада Махди-хана Астарабади этим термином автор называет князя Сергея Дмитриевича Голицина, прибывшего в качестве посла в Персию в 1734 г. [25, с. 229, 246, 247, 259].
2. *Байар* – боярин. Под этим словом в персоязычных документах подразумевались приставы, бояре, прикрепленные к торговым или дипломатическим миссиям. Упоминается только в челобитных купчины Хваджи Рахмата, приезжавшего в Московское царство в 1630–1631 гг. [15, с. 69, 76, 78].
3. *Аршин* – аршин. Само слово встречается в документах лишь один раз в росписи, что говорит об окказиональности его употребления [15, с. 53]. Хотя слово и пришло в русский из персидского через посредство тюркских языков (перс. *араш* – локоть, предплечье) [19, с. 55], в персидских словарях в этом варианте оно не встречается, из чего мы можем сделать вывод о его русском происхождении.
4. *Купчин, кубчин, кубчи, купчи* – купчина. Купчины продавали и покупали товары от имени казны персидского шаха. В персидских документах они назывались термином *киракйарак*, имевшим значение «поставщик ко двору хана или шаха» [23, с. 593–595]. Чаще всего слово *купчин* в разных вариациях встречается в челобитных, в шахских указах купчины всегда именуются *киракйараками*. По-видимому, в документах, писавшихся купцами и их писцами на местах, эти два слова получили устойчивое терминологическое соответствие. Обращает на себя внимание то, что варианты *купчи* и *кубчи* получили окончание множественного числа в персидском языке –*ан*, по-видимому, по аналогии с *илчи* – послы. В толковых словарях персидского языка слово *купчин* отсутствует, но оно

- встречается в среднеазиатских документах того периода [16].
5. *Аспдар* – государь. Это слово в исследуемых документах является частью полной формулы традиционного русского титулования царя «Государь, царь и великий князь Михаил Фёдорович, всея Руси самодержец». Сарухан-бек, занявший место своего внезапно скончавшегося брата Хасан-бека в качестве посла в 1640–1641 гг., неоднократно фонетически воспроизводит эту формулу в своих челобитных следующим образом: *аспдар сар валика кинас Михайил Фадараавич ва сарусин самударшитса*. Слово «государь» он при этом передаёт персидским *аспдар*, буквально – «владеющий конями» [15, с. 210, 216, 225, 227, 229, 232].
  6. *Самударшитса, самударчист* – самодержец. Слово использовалось как часть обращения к царю в челобитных и росписях. Первый вариант встречается в вышеупомянутой формуле челобитных Сарухан-бека [15, с. 216, 225, 232], второй вариант – в росписи купчины Биджан-бека, пребывавшего в России в 1637–1639 гг. [15, с. 131].
  7. *Указ* – указ, повеление. Встречается один раз в челобитной Хваджи Рахмата и используется в качестве аналога персидского слова *амр* – «повеление».
  8. *Пиристав* – пристав. Слово встречается два раза, оба раза оно употребляется в челобитных купцов, жалующихся на притеснения Сарухан-бека, удерживавшего их и их товары на посольском дворе [15, с. 218, 237].
  9. *Пут* – пуд. Слово использовалось в одной челобитной и двух росписях, принадлежавших разным посланникам [15, с. 117, 135, 201]. Одно из двух слов для обозначения единиц измерения наравне с аршином.
  10. *Лудачи* – подьячий. Слово встречается один раз – в челобитной Хваджи Рахмата упоминается некий подьячий Иван [15, с. 83].
  11. *Тувариш* – товарищ, компаньон. Встречается один раз в челобитной Хваджи Рахмата [15, с. 81].
  12. *Чартак* – чердак. Встречается один раз в челобитной Хваджи Рахмата [15, с. 81]. Персидское *чартак*, *чахартак* обозначает арку на четырёх основаниях или четырёхугольную палатку. Примечательно то, что Хваджа Рахмат употребляет это слово в более конкретном значении: четырёхстенного навеса, ставившегося на палубе открытого судна. Это значение не встречается в персидских толковых словарях. Принимая это во внимание, можно сделать предположение о том, что слово *чартак* представляет собой своего рода двойное заимствование: в первоначальном смысле оно попало в русский из персидского, а затем поменяло значение и стало использоваться уже в персидском для обозначения конкретной реалии – навеса на палубе судна.
  13. *Дийак, дийакан* – дьяк, дьяки. Слово было использовано в двух шахских указах и одной челобитной [15, с. 129, 151, 174]. В случае с указами это второе русское слово, использовавшихся шахской канцелярией. В челобитной же, составленной сотрудником торговой миссии Биджан-бека Хваджой Хидайатом, упоминается некий бывший астраханский дьяк Фёдор Степанович. В персидских толковых словарях слово не встречается.
  14. *Запас* – припасы, путевой провиант. Упоминается один раз в челобитной Хваджи Рахмата [15, с. 81]. То же слово, уже в форме *запас*, проникло в персидский язык ещё раз уже в первой половине XX в., но уже как «запасная часть механизма», чаще всего – запасное колесо автомобиля [22, с. 111; 26, с. 29].
  15. *Сар* – царь. Слово встречается в большом количестве челобитных, в нескольких росписях и в одном шахском письме царю [15, с. 106, 117, 123, 190, 208, 210, 216, 225, 227, 229, 242, 255]. Везде оно является частью титулатуры Михаила Фёдоровича, где-то полной, как у Сарухан-бека, где-то сокращённой, как в росписи Биджан-бека (*сар и валика кинас Михайил Фадараавич*). Третье из русских слов, использовавшихся шахской канцелярией.
  16. *Сарусин, васарусин, саруси, васарусий* – всея Руси. Слово употребляется в челобитных и росписях как часть титулатуры царя, как правило, в сочетании с *сар*: *сар Михайил Фатаравич васарусин, «царь Михайил Фёдорович всея Руси»* [15, с. 106, 117, 123, 131, 200, 208, 210, 213, 216, 225, 227, 229, 232].
  17. *Сутрук* – струг. Встречается несколько раз в одной челобитной Хваджи Рахмата, в которой просил предоставить ему дополнительные суда для перевозки груза [15, с. 93]. Слово «струг» использовалось для обозначения гребного судна длиной до 200 метров с килем из выдолбленного ствола дерева. Струги могли перевозить грузы весом до 1000 тонн и периодически оборудовались «чердаками», каютами для грузов и пассажиров.
  18. *Крутик* – крутик. Упоминается в росписи Биджан-бека времён его второго приезда в Москву в 1642–1643 гг. [15, с. 245] Крутиком называлась краска синего цвета, производившаяся из листьев вайды красильной (*Isatis tinctoria*) [17, с. 88].
  19. *Муджик* – мужик. Употребляется только в челобитных Хваджи Рахмата [15, с. 76, 83, 89]. Слово встречается и в более поздних текстах: Садики пишет, что в варианте со вторым долгим гласным оно было использовано в путевых заметках Мустафы Афшара об искупительной миссии Хусрава Мирзы (1829) [26, с. 25], Башири считает, что слово проникло в персидский язык после революции 1917 г. [22, с. 113]. Как показывают исследуемые документы, в язык персидских купцов XVII в. оно проникло значительно раньше.

Как показывают персоязычные документы посланников сефевидского шаха Сафи I в Россию, в XVII в. заимствования проникали не только из персидского языка в русский, но и из русского в персидский. В целом число русских заимствованных лексем было меньшим, и они, по-видимому, употреблялись именно в документах, составленных в Московском царстве и предназначавших-

ся для царя и царских чиновников. Шахская канцелярия в своих посланиях использовала только три русских слова, обозначавших царя и царских служащих; остальные слова, обозначавшие профессии, общественный статус, единицы измерения, транспортные термины и названия товаров, использовались только купчинами и их писцами в челобитных и росписях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Из истории слов // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 96–98.
2. Абдалтаджедини Н.К. Фонетико-графической адаптации некоторых топонимов-иранизмов в «путевых заметках» и письмах А.С. Грибоедова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 26–31.
3. Абдалтаджедини Н. Топонимы-иранизмы в «путевых заметках» и письмах А.С. Грибоедова: к норме картографической топонимии Кавказа XIX в. // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 9. Вып. 3. С. 163–167.
4. Акбари Р.М. Фонетическая трансформация русизмов в персидском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. 1. С. 18–20.
5. Алексеева А.И., Воронова А.А., Исаев Г.Г. и др. Астрахань-Гилян в истории русско-иранских отношений. / Гл. ред. А.П. Гужвин. Астрахань: Астраханский университет, 2004. 213 с.
6. Бахмутова Е.К. Иранские элементы в деловом языке Московского государства // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. 1940. Вып. 3. С. 40–71.
7. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 478 с.
8. Гилязетдинова Г.Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань: Казанский университет, 2010. 202 с.
9. Гилязетдинова Г.Х., Акбари Р. Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке XIX–XX вв. // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 89–96.
10. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. № 6. С. 28–45.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818–1829. Т. IX. СПб., 1821. 770 с.
12. Костиков С.Е., Писчурникова Е.П., Ястребова О.М. Из истории русско-персидских языковых контактов эпохи Сефевидов. Русские заимствования в челобитных купчины Хваджи Рахмата // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. 4 (181). С. 48–55.
13. Мортазави С.-М., Мохаммади М.-Р. Персидские заимствованные слова в русском языке и их лексико-тематическая классификация // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2016. Т. 8. С. 69–84.
14. Пейсиков Л.С. Лексикология персидского языка. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
15. Персидские дипломатические документы времен шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов. СПб.: Наука, 2021. 303 с.
16. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. 648 л.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. (Крада-Лящина). М.: Наука, 1981. 355 с.
18. Трубочёв О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 25–102.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т. 1: А-Пантомима. 624 с.
20. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.
21. Эристон А. Иранско-русские лексические связи / Iranian-Russian lexical ties // Russian Language Journal. 1968. Vol. 22. No 83. P. 23–29.
22. Bashiri I. Russian loanwords in Persian and Tajiki languages // Persian studies in North America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri / Ed. Mehdi Marashi. Bethesda, MD: Iranbooks, 1994. P. 109–139.
23. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente Neupersischen: 4 Bde. Wiesbaden: Franz Steiner, 1963–1975. Bd. 3. 593 S.
24. Pohl H.D. Слова иранского происхождения в русском языке // Russian Linguistics. Vol. 2. № 2. P. 81–90.
25. Астарабди Мухаммад Махди бин Мухаммад Насир. Джангангуша-йи Надири / Ба ихтимам-и Абд Аллах Анвар. Тихран: Анджуман-и асар ва муфакхир-и фарханги, 1377. 861 с.
26. Садики Али Ашраф. Каламат-и руси дар забан-и фарси ва тарихчи-йи вуруд-и анха // Маджалла-йи забаншинаси. Сал-и 20, шумара-йи 20. 1384. С. 3–46.

© Костиков Сергей Евгеньевич (skostikov1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»